

Наполеон

Наполеон охарактеризован Толстым отрицательными чертами. Автор развенчивает личность самонадеянного властителя Франции, упоенного успехом, ослепленного славой и приписывающего своей воле движение исторических событий. Будучи ничтожным человеком, Наполеон, благодаря раболепию окружающих его лиц, привык верить, что каждое движение его руки рассыпает счастье или сеет горе среди тысяч людей. При Немане, замечает Толстой, на всех лицах было одно общее выражение «восторга и преданности к человеку в сером сюртуке, стоявшему на горе». Наполеон положил трубу «на спину подбежавшего счастливого пажа». Польский полковник попросил позволения переплыть со своими уланами через реку. Адьютант сказал, что, вероятно, император не будет недоволен. Они гордились тем, что плывут и тонут под взглядами человека, для которого не ново было убеждение в том, что «присутствие его на всех концах мира... одинаково поражает и повергает людей в безумие самозабвения».

С особенным негодованием автор отзывается о Наполеоне по поводу его бегства: «...несмотря на именование друг друга величествами, высочествами и двоюродными братьями, все они чувствовали, что они жалкие и гадкие люди, наделавшие много зла... И несмотря на то, что они притворялись, будто заботятся об армии, они думали только каждый о себе и о том, как бы поскорее уйти и спастись». «“Это величественно!” – говорят историки, – замечает Толстой, – свойство, по их понятиям, каких-то особенных животных, называемых ими героями. И Наполеон, убираясь в теплой шубе домой от гибнущих не только товарищей, но... и людей, им приведенных сюда, чувствует, что это величественно... И никому в голову не придет, что признание величия, неизмеримого мерой хорошего и дурного, есть только признание своей ничтожности и неизмеримой малости. Но для нас, с данной нам Христом мерой хорошего и дурного, нет неизмеримого. И нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

По И. Глебову

Кутузову, как носителю русской народной мысли и народного чувства, противопоставит в романе Наполеон. Толстой развенчивает этого полководца, обличает завоевателя, стремившегося покорить свободолюбивый русский народ. Рисуя внешний облик Наполеона, автор романа говорит, что это был «маленький человек» с «неприятно-притворной улыбкой» на лице, с «жирной грудью», «круглым животом» и «жирными ляжками коротеньких ног». Толстой показывает Наполеона как самовлюбленного и самонадеянного властителя Франции, упоенного успехом, ослепленного славой, приписывающего своей личности движущую роль в ходе исторических событий. Даже в маленьких сценах, в малейших жестах чувствуется, по мнению Толстого, безумная гордость Наполеона, самомнение человека, привыкшего верить, что каждое движение его руки рассыпает счастье или сеет горе среди тысяч людей. Раболепие окружающих вознесло его на такую высоту, что он действительно верил в свою способность изменять ход истории и влиять на судьбы народов.

В противоположность Кутузову, не придающему решающего значения своей личной воле, Наполеон выше всего ставит себя, свою личность. «...Только то, что происходило в *его* душе, имело интерес для него. Все, что было вне его, не имело для него значения, потому что все в мире, как ему казалось, зависело только от его воли». Слово «я» — любимое слово Наполеона. В Наполеоне подчеркнуты индивидуализм и рассудочность как характерные его черты, порожденные капиталистической цивилизацией Запада.

По А. Зерчанинову, Д. Райхину, В. Стражеву

Кутузову-полководцу Толстой противопоставляет Наполеона. Наполеон в «Войне и мире» — воплощение самомнения, тупого самодовольства, честолюбия, бездушия и актерства. Описывая встречу французского императора с русским генералом Балашевым, посланным Александром I для переговоров, Толстой говорит: «Видно было, что уже давно для Наполеона в его убеждении не существовало возможности ошибок и что в его понятии все то, что он делал, было хорошо не потому, что оно сходилось с представлением того, что хорошо и дурно, но потому, что он делал это». И дальше: «Ему казалось... что и Балашев после его обеда был его другом и обожателем».

Как все самовлюбленные люди, Наполеон ограничен. Его бессодержательные фразы кажутся ему изречениями, исполненными глубокой мудрости: «Наше тело есть машина для жизни. Вот и все». Или: «Вы знаете ли, Рапп, что такое военное искусство? – спросил он. – Искусство быть сильнее неприятеля в известный момент. Вот и все».

В этом отношении взгляды Толстого вполне совпадают со взглядами Герцена. В «Былом и думах» мы читаем: «После обыкновенных фраз, отрывистых слов и лаконических отметок, которым лет тридцать пять приписывали глубокий смысл, пока не догадались, что смысл их очень часто был пошл, Наполеон разбил Ростопчина за пожар, говорил, что это вандализм, уверял, как всегда, в своей непреодолимой любви к миру».

Когда Наполеон со своей армией подошел к Неману и отдал приказ вошедшим в состав его армии польским кавалеристам отыскать брод, они бросились на своих лошадях в реку, и многие из них вскоре стали тонуть. Адъютант Наполеона, «выбрав удобную минуту, позволил себе обратить внимание императора на преданность поляков к его особе, маленький человек в сером сюртуке встал и, подзвав к себе Бертье, стал ходить с ним взад и вперед по берегу, отдавая ему приказания и изредка недовольно взглядывал на тонувших улан, развлекавших его внимание».

Для него было не ново убеждение в том, что присутствие его на всех концах мира, от Африки до степей Московских, одинаково поражает и повергает людей в безумие самозабвения. Он велел подать себе лошадь и поехал в свою стоянку».

Накануне Бородинского сражения, которое должно было стоить жизни сотням тысяч людей, он говорит: «Шахматы поставлены, игра начнется завтра».

Большим удовольствием для него было объезжать после сражения поле битвы и смотреть на тела убитых и раненых. «На лице его было сияние самодовольства и счастья» — таков он после Аустерлицкой победы. Тщеславие — основная черта его характера — убивает в нем все хорошие человеческие черты.

«Маленькому человеку в сером сюртуке» хочется всегда и во всем играть роль великого человека. Когда ему привезли портрет сына, «он подошел к портрету и сделал вид задумчивой нежности. Он чувствовал, что то, что он скажет и сделает теперь, — есть история... Глаза его отуманились, он подвинулся, оглянувшись на стул (стул подскочил под него) и сел на него против портрета. Один жест его — и все на цыпочках вышли, представляя самому себе и его чувству великого человека».

Посидев несколько времени и дотронувшись, сам не зная для чего, рукой до шероховатости блика портрета», он явно не знал, что ему делать дальше, «встал и опять позвал Боссе и дежурного».

Не менее характерна в этом отношении и сцена ожидания Наполеоном депутации «бояр» под Москвой. Стоя на Поклонной горе, он обдумывал величественную речь, которую скажет «боярам», а его свита уже знала, что Москва покинута жителями, и чувствовала смешное положение императора.

Поражает равнодушие полководца к судьбам своей армии, которую он привел в Россию и бросил в самый тяжелый момент: «Французы бежали... Впереди всех бежал император, потом короли, потом герцоги».

Военное могущество Наполеона рухнуло, как карточный домик, при столкновении не с театральным, рассчитанным на зрителей, а с настоящим героизмом. Истинная сила —

это народ, и великим может быть только тот деятель, который выполняет волю народа. Наполеон же, по определению Толстого, «во все это время своей деятельности был подобен ребенку, который, держась за тесемочки, привязанные внутри кареты, воображает, что он правит».

Создавая художественный образ Наполеона, Толстой использует самые разнообразные приемы.

Описывая внешность французского полководца, автор «Войны и мира», как и обычно, останавливается только на некоторых чертах, которые связывает с внутренним миром своего героя.

Неоднократное упоминание о маленьком росте Наполеона в контексте звучит как указание на внутреннее ничтожество прославленного гения. Говоря об оплывшей фигуре Кутузова, который с трудом сажился на лошадь и не мог встать с колен, Толстой характеризует его старость и слабость. Но белая пухлая шея, жирные плечи и грудь, жирные ляжки, круглый живот Наполеона сочетаются с общей низменностью натуры тупого, избалованного человека.

Весьма характерна его речевая манера, отражающаяся в его приказах и живой речи. Перед Бородинским сражением он подписывает приказ: «Воины! вот сражение, которого вы столько желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас; она доставит нам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвою!» Короткие предложения и повелительная форма не исключают здесь пышности фразы и в общей совокупности характеризуют человека, считающего себя великим полководцем и сердцеведом, умеющим повелевать людьми. «Коротко и энергично!» – так оценил он сам свою прокламацию.

Важную роль для характеристики Наполеона играют и внутренние монологи. Возьмем в качестве примера хотя бы его размышления на Поклонной горе при виде Москвы: «Вот она, эта столица, у моих ног, ожидая судьбы своей. Где теперь Александр и что думает он? Станный, красивый, величественный город! И странная и величественная эта минута! В каком свете представляюсь я им? – думал он о своих войсках. – ...Одно мое слово, одно движение моей руки, и погибла эта древняя столица царей... Я должен быть великодушен и истинно велик. Но нет, это не правда, что я в Москве, – вдруг приходило ему в голову... я приму условия мира в Москве, достойные меня и моих народов... Бояре, – скажу я им: я не хочу войны, а хочу мира и благоденствия всех моих подданных. Впрочем, я знаю, что присутствие их воодушевит меня, и я скажу им, как я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я в Москве? Да, вот она!»

В этих мыслях наедине с собой проявились характерные для Наполеона черты: тщеславие (что думает о нем Александр, как представляется он солдатам), преувеличенные представления о своем значении («одно движение моей руки», «достойные меня»), невежество («бояре»), самомнение и самовлюбленность («как я всегда говорю: ясно, торжественно и велико»).

Но наибольшее значение для понимания художественного образа имеет показ персонажа в сфере его деятельности. В романе «Война и мир» Наполеон выступает как полководец, как император и просто как человек.

Остановимся на основных моментах его полководческой деятельности. Без каких-либо важных объективных причин начинает он свой роковой для него и его армии русский поход. Это честолюбец, которого манит личная слава.

Начинает он свой поход, не учитывая опасности продвижения в глубь огромной неизвестной страны, с непродуманной быстротой ведет свою армию вперед, не укрепляя ее тыла.

Составленная им диспозиция Бородинского сражения ни в коей мере не могла быть выполнена, так как не были учтены движение и действия неприятельской армии. Занятие Москвы разложило дисциплину французской армии, превратив солдат в грабителей, мародеров.

Отступление, которое Наполеон повел по им же разоренной дороге, поражает своей непродуманностью. Таковы основные моменты деятельности Наполеона-полководца. Толстой сопровождает их своими комментариями, которые являются прямой авторской характеристикой героя.

В частности, повествуя о том, как император-главнокомандующий, спасаясь бегством, бросил на гибель в неприятельской стране приведенную им армию, он пишет: «...Этот последний поступок бегства, на языке человеческого называемый последней степенью подлости, которой учится стыдиться всякий ребенок».

Наполеон-император, окруженный льстивой толпой придворных, считает себя непогрешимым. Его неумные слова и поступки, как, например, грубый тон с Балашевым, дерганье его за ухо в знак монаршей милости и т. п., кажутся ему мудрыми.

Как человека, его характеризует не только полное бездушие на поле битвы, но и отдельные мелкие эпизоды: встреча и беседа с Лаврушкой (погоня за популярностью), поведение перед портретом сына (актерство), высказывания (ограниченность).

И отдельные черты личности Наполеона, и весь его облик в целом выступают еще более рельефно благодаря контрасту с простой и истинно величественной фигурой Кутузова.

По Н. Бражнику

Величие Наполеона и его поражение представляют собою картину, полную не только драматического интереса, но и глубокого нравственного смысла. Мастерскими штрихами обрисовал Толстой фигуру самонадеянного властителя Франции, упоенного успехом, ослепленного славой и приписывающего своей личности движение исторических событий. Даже в незаметных сценах, в малейших жестах чувствуется безумная гордость ничтожества, самомнение человека, привыкшего верить, что каждое движение его руки рассыпает счастье или сеет горе среди тысяч людей. Небрежной рукой прикрепляет он после Тильзита орден Почетного Легиона к груди храбрейшего из русских солдат. «Как будто Наполеон знал, что для того, чтобы навсегда этот солдат был счастлив, награжден и отличен от всех в мире, нужно было только, чтобы его, Наполеонова рука, удостоила дотронуться до груди солдата. Наполеон только приложил крест к груди Лазарева и, пустив руку, обратился к Александру, как будто он знал, что крест должен прилипнуть к груди Лазарева. Крест действительно прилип, потому что и русские и французские услужливые руки, мгновенно подхватив крест, прицепили его к мундиру».

Раболепие окружающих вознесло «маленького человека» на такую высь, что он уверовал в свою способность изменять ход истории и влиять на судьбы народов. Он привык, что «присутствие его на всех концах мира, от Африки до степей Московии одинаково поражает и повергает людей в безумие самозабвения».

Это бездушное величие, не сознающее своего ничтожества, особенно ярко проявляется во время свидания Наполеона с Балашевым перед началом войны 1812 года. Он встретил обычным приветствием посла императора Александра, но говорил он с ним «как человек, дорожащий всякой минутой своего времени и не снисходящий до того, чтобы приготавливать свои речи, а уверенный в том, что он всегда скажет хорошо и что нужно сказать». Во время разговора он смотрел мимо Балашева. Было очевидно, что его личность нисколько не интересовала Наполеона. «Видно было, что только то, что происходило в *его* душе, имело интерес для него. Все, что было вне его, не имело для него значения, потому что все в мире, как ему казалось, зависело только от его воли». Наполеон был до того влюблен в себя, что в разговоре с Балашевым держал себя так,

словно перед ним стоял человек, который сочувствовал ему во всем, радовался его торжеству и оскорблениям, расточаемым Наполеоном по адресу императора Александра. В минуту гнева он говорил вещи, за которые, по мнению Балашева, должен был устыдиться впоследствии. Но при новой встрече с посланцем Наполеон не только не чувствовал никакой неловкости, а напротив, старался ободрить Балашева. Видно было, что он давно уже не верил в возможность ошибок со своей стороны: «в его понятии все то, что он делал, было хорошо не потому, что оно сходилось с представлением того, что хорошо и дурно, но потому, что *он* делал это». На почтительные попытки возразить Наполеон обращался к Балашеву с таким видом, словно хотел сказать: «Знаю, так говорить ваша обязанность, но вы сами в это не верите, вы убеждены мною».

Слово «я» — любимое слово Наполеона. Указывая Балашеву на те выгоды, которые Россия могла извлечь из дружбы с ним, он не замечает даже, какое оскорбление наносит императору Александру фразами вроде следующих: «Я дал бы вашему государю эти провинции [Молдавию и Валахию] так же, как я дал ему Финляндию» или: «Всем этим он был бы обязан моей дружбе... О, какое прекрасное *могло бы* быть царствование императора Александра!»

И на поле битвы и в те моменты, когда он обдумывает диспозицию будущего сражения, Наполеон чувствует себя творцом событий, центром мира, предметом общего внимания.

По П. Когану